

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЛЯЕВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: yurist84@inbox.ru

SPIN-код: 6307-4238

ORCID: 0000-0002-7498-5231

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-belyaev

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ: БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 19-011-00796 «Делиберативность как принцип принятия публично-значимых решений: юридическое измерение».

Аннотация. В любой модели принятия политических решений можно выделить базовый принцип, отказ от которого разрушает модель целиком, и обеспечивающие этот принцип элементы — инфраструктуру, неразвитость которой затрудняет воплощение базового принципа в жизнь. Сообразно различным принципам строятся классификации политических режимов, и демократия здесь не является исключением. Принято говорить об агрегативных и делиберативных моделях демократии, различающихся в зависимости от того, как формируются легитимные решения и что является для них достаточным основанием. Если связывать более высокий уровень демократии с преобладанием неформальных элементов над формальными, то ее делиберативная модель оказывается более прогрессивной. Правдоподобной представляется гипотеза о том, что переход от одной политической модели к другой (в рамках одного и того же политического режима) может быть управляемым или стихийным. Если сообщество заинтересовано в том, чтобы политические практики изменялись целенаправленно и поступательно, оно должно быть способно об этом заявить. Коммуникация в политике является деятельностью самовоспроизводящейся и субстанциальной, т.е. порождающей свои отдельные элементы, «достраивающей» себя сообразно изменяющимся внешним условиям. Но бесконечная свобода в коммуникации невозможна, так же как невозможна и абсолютная рациональность ее участников. Последним всегда присуще несовершенство (противоположность в результате), которое, безусловно, проявляется и в масштабах всего общества, поэтому политические конфликты неизбежны при любом политическом режиме. Право не может инспирировать появление нового социального качества в том или ином субъекте, но оно способно играть весьма значимую вторичную

роль, а именно блокировать действия тех или иных субъектов, затрудняющие самодвижение политической субстанции. Конструирование целостного представления о возможностях юридического воздействия на политику предполагает обеспечение эффективного баланса формальных и неформальных практик, регламентацию правового статуса всех политических акторов, особенно потенциальных, формирующихся и пока исключенных из коммуникации, но подлежащих включению.

Ключевые слова: политика, власть, право, политический режим, демократия, агрегативная модель демократии, делиберативная модель демократии, коммуникация

MAXIM A. BELYAEV

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenska str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: yurist84@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7498-5231

DELIBERATIVE MODEL OF DEMOCRACY: BASIC PRICIPLES AND PRACTICAL DIFFICULTIES

The paper was prepared within the framework of the scientific project № 19-011-00796 "Deliberacy as the principle of making public decisions: the legal dimension", supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Abstract. There are various decision-making models in politics, and each model is closely related to some principle. If this principle is abandoned, the model will collapse. But one principle is not enough for the good functioning model, more requires a relationship that ensures its implementation. If such relationships do not develop, the basic idea remains unreal. If the principles discussed above are built into the system, a classification of political regimes will be obtained. Scientists designate two kinds of models of democracy: the first ones are aggregative, the second ones are deliberative. The sign on which they differ is a way to legitimize decisions. In the aggregative model, the solution is legitimate, if it has the support of the majority. In the deliberative model, the decision is legitimate if it is a consensus. If there is progress in society, the models of democracy also change. From a less developed model, a transition to a more developed one occurs. Suppose that in each model there are formal and informal elements. Informal elements give more freedom to citizens, but at the same time give less guarantees. A large number of informal elements is a sign of progress. Therefore, deliberative democracy is the most developed. Development is necessary and contingent. If the community is

interested in the necessary development, such requirements should be voiced. The ability to talk about their needs in political life is very important. This ability should not depend on the specific type of political regime. Bureaucracy should not interfere with free political expression, but the political communication is an independent phenomenon. This communication can be described by a category of substance. It is an independent force in developed societies. It has the inherent freedom of participation and rationality of actors, both properties are expressed to some extent, but not absolutely. There are many reasons for imperfect communication, however they can be compensated for using specific procedures. These procedures aim at political consensus, but its achievement is difficult in any political environment. The law cannot generate new social objects and properties on its own. But the law can play a very significant secondary role. For example, the law may block the actions of some subjects, if these subjects impede political development. You can achieve a holistic view of the impact of rights on policy. For this you need to examine carefully the ratio of formal and informal political practices. In addition, it is necessary to clarify the legal status of all political actors (in particular, potential, emerging and excluded from communication, but to be included).

Keywords: politics, power, law, political regime, democracy, aggregative model of democracy, deliberative model of democracy, communication

1. Введение

В политической науке существует несколько классификаций демократических режимов и базовых идей, на которых они строятся. Такие классификации различаются в зависимости от основания деления исходного понятия и глубины детализации. Нас будет интересовать та классификация, которая сосредоточивает внимание на принципах принятия политических (не только и не столько управленческих, но вообще всех, имеющих общественное значение) решений. Таких принципов множество, но строгость моделирования зависит от возможности свести все их многообразие к одному важнейшему началу. В связи с этим прагматически оправдано выделять принцип агрегативности, при котором достаточным основанием для принятия решения выступает его поддержка большинством голосующих (яркий пример реализации этого принципа — выборы депутатов представительного органа государственной власти), и принцип делиберативности, при котором необходимым и достаточным основанием для принятия решения является всеобщее согласие с ним, т.е. консенсус¹. Поскольку

¹ О различии этих принципов более подробно см., например: *Parkinson J. Why Deliberate? The Encounter Between Deliberation and New Public Managers // Public Administration. 2004. Vol. 82. Iss. 2. P. 377–395.*

решение, у которого, как считают принявшие его субъекты, есть достаточное основание, имеет все шансы стать легальным (соответствующим правовым предписаниям) и легитимным (признанным и обязывающим в силу этого признания²), разные принципы предполагают и различное правовое сопровождение, и несовпадающие критерии легитимности. Учитывая довольно тесную связь норм, принципов и оценок, характеризующих развертывание какой-либо осмысленной деятельности, допустимо провести некое обобщение и далее говорить о двух моделях демократии: классической (или агрегативной) и совещательной (или делиберативной)³. Именно эта терминология будет использоваться в настоящей работе, хотя она и не является окончательно устоявшейся и бесспорной (существуют исследования, в которых оспаривается сама противоположность двух этих принципов).

Менее дискуссионным является представление о том, что в любой социально-политической практике обязательно присутствуют формальные и неформальные элементы. Это предохраняет ее от тотального отчуждения от человека, а также позволяет изменяться, развиваться. При этом строго научное, неидеологическое рассуждение должно сосредоточиваться лишь на тех элементах совещательной модели демократии, на которые можно воздействовать формальными средствами, в частности правовыми. Однако вначале надо выделить такие элементы. В этом и заключается задача данного исследования, хотя оно и не претендует на ее окончательное решение.

Поиск оптимальной правовой поддержки, которая может быть оказана демократическим режимам, осложнен тем, что в настоящее время делиберативная модель является достаточно идеализированной, так как о ее достоинствах говорят много, а о недостатках — гораздо меньше. Впрочем, оба ракурса анализа основываются в большей мере на мысленных экспериментах, чем на реальных наблюдениях, а самые существенные недостатки любой модели обнаруживаются только при ее практическом воплощении. Поэтому допустимо вести речь лишь об относительной эффективности механизмов политической власти, имея в виду возможности их постепенного совершенствования. И задача правового регулирования сводится к обеспечению тех минималь-

² О связи признания и обязывания см.: *Pinkard T. Recognition, the Right, and the Good // The Philosophy of Recognition. Historical and Contemporary Perspectives / Ed. by H. Schmidt-am-Busch, Ch. Zurn. Louisville, 2009. P. 129–150.*

³ Под моделью мы будем понимать некий базовый принцип принятия решений и его инфраструктуру, т.е. совокупность обеспечивающих осуществление принципа инструментов.

ных условий, которые делают изменения этих механизмов возможными, предсказуемыми, управляемыми, приемлемыми. Об этих условиях и пойдет речь в статье.

2. Признаки делиберативной модели демократии

Если проследить мировоззренческие истоки принципа делиберативности, то выяснится, что он берет свое начало в новой интерпретации социальных действий М. Вебера. Заслуга немецкого классика социологии заключается в переориентации внимания исследовательского сообщества с макроscopicого уровня мышления о социуме на микроscopicый. В частности, благодаря веберовской методологии стало возможным характеризовать действия индивидов как типические, а также применять к ним категории смысла и значения. Сформировалось представление о том, что смысл действия выступает его субъективно-личностной характеристикой, известной лишь самому деятелю, а значение — intersubjectивным атрибутом действия, направленным на «значимых других»⁴. Содержательность, информативность социологического наблюдения зависит в первую очередь от выявляемых значений исследуемых действий, во вторую — от согласования или расхождения выявленных значений с предполагаемыми смыслами⁵. Очевидно, что перенос данной логики на уровень социума в целом невозможен: у классов, страт и прочих групп населения нет того единого органа, функцией которого было бы формирование смысла и его преобразование в коллективно приемлемый спектр значений.

Но социальная наука не может сохранять свою идентичность, изучая только действия индивидов. Полноценное применение методологии М. Вебера к проблематике деятельности стало возможным благодаря усилиям Ю. Хабермаса, на теории которого следует остановиться подробнее. Ценность работ этого немецкого философа заключается в том, что ему удалось соединить социальную, политическую и лингвистическую картины мира, построив тем самым полную аналогию (изоморфизм) между макро- и микроуровнями общественного бы-

⁴ См.: Max Weber on the Methodology of the Social Sciences / Ed. by E.A. Shils, H.A. Finch. Glencoe, 1949. P. 93.

⁵ Таким образом, вся поствеберовская социология базируется на рациональной реконструкции, в которую результаты эмпирических исследований входят как необходимая, но недостаточная часть (см.: *Schütz A. Subjective Action and Objective Interpretation // Annals of Phenomenological Sociology / Ed. by H.R. Wagner. Vol. I. Dayton, 1976. P. 34–46*).

тия. Сделано это было следующим образом. Сначала Ю. Хабермас создал новую классификацию действий, различив стратегический и коммуникативный их типы⁶. Цель действий первого типа — это некий внешний успех; цель действий второго типа — понимание. Следует заметить, что внешний характер стратегического действия не лишает его социальности, поскольку вектор такого действия «указывает» обычно в сторону иных сообществ, как включенных в коммуникацию, так и дистанцированных от нее⁷. Примечательно, что масштаб общественно-релевантных действий не так уж и важен для их надлежащего осмысления и осуществления. Это же характерно и для коммуникативных актов. Их суть заключается в том, что некая группа людей обсуждает и решает вопросы своего существования, обсуждаемое при этом претендует на общезначимость, а сама группа может состоять из нескольких десятков или нескольких тысяч человек (по мере увеличения численности группы скорость принятия решений будет неуклонно снижаться). Таким образом, противоположность социологических «точек отсчета» (общество / малая группа) заменяется на множество степеней проявления одного и того же качества.

Остановимся на этом моменте, поскольку он чрезвычайно важен для понимания делиберативности. Ю. Хабермас утверждает, что результаты коммуникативных действий для сообщества оказываются всегда более важными, чем результаты действий стратегических. Однако внятного обоснования этого тезиса философ не дает (по крайней мере, на страницах своей книги «Теория коммуникативного действия»). Что подразумевается здесь под важностью? Отвлечемся от теории и рассмотрим бытовой пример. Допустим, некий человек хочет заработать определенную сумму денег, чтобы внести ее в качестве первоначального взноса в счет стоимости квартиры, а на недостающую сумму планирует взять кредит в банке. Ему, следовательно, необходимо оценить свои возможности, исходя из срока кредита и ожидаемых доходов, определенным образом спланировать свою жизнь на годы вперед, понять, в удовлетворении каких потребностей себе придется отказать, оценить возможные риски кредитования и т.п. Затем, когда первоначальный взнос будет собран, в отношении вступает банк, который, рассматривая документы заемщика, оценивает возможные риски сделки (компенсация большинства рисков закладыва-

⁶ См.: *Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. I. Boston, 1984. P. 94.*

⁷ Для действий, согласуемых прежде всего с правилами техники, Ю. Хабермас использует другой термин — «инструментальные» (*Ibid. P. 93*).

ется в сам договор, хотя заемщик этого, как правило, не знает⁸). Если все складывается так, как того ожидают стороны, договор заключается, и каждый его участник исполняет свои обязательства. Это — пример суммы стратегических действий, которые, естественно, не могут протекать вне коммуникации и быть успешными без некоторого количества институциональных гарантий. Но ценность таких действий является внешней, она заключается в «доставке» блага от одного лица к другому. Получатель блага, оказавшись вовлеченным в новые связи, не приобретает при этом новых диспозиционных свойств⁹.

В качестве примера коммуникативного действия можно привести сеанс у психоаналитика, когда происходит терапевтическое воздействие на психику клиента (его бессознательное). Здесь личность подвергается определенным изменениям, так что можно полагать, что результат подобной практики остается в пределах «места» ее осуществления, если под местом понимать самого пациента¹⁰. По крайней мере, мы не видим здесь внешнего отчуждаемого результата как желаемого завершения процесса, более того, процесс психоанализа вообще не может быть закончен, его можно лишь прервать принудительным образом¹¹. Взаимоотношения с аналитиком явно не похожи на договор с банком: в этом случае институциональные гарантии минимальны, зато риски недобросовестного исполнения терапевтической функции довольно велики, да и результат прилагаемых усилий

⁸ Здесь уместно отметить, что коммуникативным эффектом может обладать не только то, что было озвучено, но и то, о чем по какой-либо причине умалчивают. Для политики фигуры умолчания имеют особое значение (см.: *Brummett B. Towards a Theory of Silence as a Political Strategy // Quarterly Journal of Speech. 1980. Vol. 66. Iss. 3. P. 289–303*).

⁹ Современная метафизика различает два ряда свойств, присущих объекту: категориальные и диспозиционные. Первые проявляются у объекта в любой момент времени, например, треугольник в геометрии Евклида обладает свойством «иметь сумму углов, равную 180 градусам» категориально. Вторые могут обнаруживаться при стечении определенных обстоятельств: то, что фарфоровая чашка хрупкая, становится ясно, когда от неосторожного движения она разбивается. На эту тему см.: *Smith A.D. Dispositional Properties // Mind. 1977. Vol. 86. No. 343. P. 439–445; Tugby M. Categoricalism, Dispositionalism, and the Epistemology of Properties // Synthese. 2014. Vol. 191. No. 6. P. 1147–1162*.

¹⁰ В лексиконе психоанализа, кстати, понятие «пациент» отвергается, поскольку в нем этимологически заложено страдательное положение субъекта, в то время как, по замыслу З. Фрейда, субъект должен быть деятельным и работать над собой, а психоаналитик — это только его проводник по миру бессознательного.

¹¹ См.: *Freud S. Die endliche und die unendliche Analyse // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1937. Bd. 23. H. 2. S. 209–240*.

оказывается непредсказуемым и уж точно не поддается квантификации. Но очевидно одно: появление новых свойств у субъекта, вовлеченного в действие.

Объявление правил игры до ее начала тоже следует считать коммуникативным действием, поскольку здесь создается благо, потребляемое в том же самом взаимодействии, в котором оно было создано. А вот нарушение игроком правил можно расценивать как отказ от дальнейшего продолжения коммуникации, внезапный выход из нее. И с тем, кто многократно нарушает какие-либо правила, в конце концов никто не захочет играть. Подобного рода поступки дают представление о личности, создают устойчивый ее образ в глазах других.

Таким образом, можно сделать вывод, что типичное коммуникативное действие важнее стратегического лишь в том смысле, что оно более непосредственно и ощутимо затрагивает осуществляющего его субъекта, способствует модификации его диспозиционных свойств с точки зрения их количества или интенсивности проявления. Но из этого вовсе не следует, что субъект будет рассматривать любое такое действие как наивысшую ценность; в ряде случаев наблюдается обратная ситуация: совершению коммуникативного действия субъекты предпочитают действия стратегические.

Классифицировав рассмотренным образом социальные акты, Ю. Хабермас перенес их в сферу политики, выделив администрирующую и коммуникативную разновидности власти¹². Администрировать (или управлять) — значит кодировать мир в терминах «приказ / исполнение», когда каждый субъект подчиняется данной бинарной оппозиции: он может либо приказывать, либо подчиняться, но не может делать одновременно то и другое. Если же он выполняет обе функции, то, значит, в одном носителе воплощены две роли и, соответственно, речь идет о двух разных управленческих связях. Такой порядок выработки решений опирается на исполнительность подвластных, простое доведение предписаний от верхних уровней системы к нижним, обратную связь контролирующего типа и иные подобные механизмы. Коммуникативная власть предполагает отсутствие постоянной иерархии, вынесение в область дискуссий как обоснования, так и применения предписаний, широкое использование переговорных и согласительных процедур, обратную связь корректирующего типа и т.п. В реальной политической системе присутствуют оба вида власти, од-

¹² См.: *Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats.* Frankfurt am Main, 1992. S. 169 ff.

нако их положение асимметрично: административная власть препятствует расширению коммуникации и прозрачности своих механизмов, стремится монополизировать дискурс, поддерживает информационную однородность публичного пространства. В этих условиях агентам коммуникативной власти сложно успешно действовать.

Ю. Хабермас формулирует свой политический идеал следующим образом: в правовом государстве должно быть исключено наделение кого-либо административной властью в обход процедур, присущих власти коммуникативной¹³. В данном случае администрирование всегда остается деятельностью подчиненной и вторичной, а принцип делиберативности охватывает любые методы и способы, обеспечивающие приоритет коммуникативной власти. Подчеркнем, что речь идет только об идеальной модели; история не знает случаев полного господства коммуникативной власти в какой-либо из политических систем.

Обсуждаемая проблематика весьма актуальна и порождает множество дискуссий и альтернативных позиций. А составляющие принципа делиберативности многочисленны и буквально разбросаны по различным текстам политологов и философов (мне не известны работы, где все признаки были бы сведены в одну систему). К принципу делиберативности, в частности, относят:

- всеобщую политическую информированность граждан о планах по текущему управлению и реформам;
- возможность публичного выражения мнения для любого лица или ассоциации;
- осознанное, добросовестное и последовательное использование аргументов в открытой полемике на любую общественно значимую тему;
- запрет на исключение какой-либо группы (лица) из коммуникации;
- широкое распространение общественных консультаций и экспертиз;
- электронное правительство¹⁴.

¹³ См.: *Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats.* Frankfurt am Main, 1992. S. 468.

¹⁴ Эти характеристики приводятся в следующих работах: *Autonomy and Solidarity: Interviews with J. Habermas / Ed. by P. Dews.* London; New York, 1992; *Eriksen E.O., Weigard J. Understanding Habermas. Communicative Action and Deliberative Democracy.* London, 2003; *Honneth A. Das Recht der Freiheit — Grundriß einer demokratischen Sittlichkeit.* Frankfurt am Main, 2011; *Moka-Mubelo W. Reconciling Law and Morality in Human Rights Discourse.* Cham, 2017.

В целом, как замечают Э. Гутман и Д. Томпсон, «общество должно допускать моральные разногласия относительно правил общественной жизни и достигать морального согласия относительно того, как эти разногласия могут быть выражены»¹⁵. Культура такого выражения разногласий и образует ядро принципа делиберативности. Некоторые авторы считают, что делиберативные процедуры имеют вторичную ценность. Все дело в дефиците легитимности: когда общественному порядку не хватает формальной (по процедуре установления) и сущностной (идейной) легитимации, возникает потребность в широком (массовом) обсуждении отдельных элементов этого порядка¹⁶. Восстановление процедурного и (или) идеологического компонента легитимности отменяет необходимость делиберативных процедур. Другие исследователи, как бы возражая на это, заявляют, что момент прекращения общественной дискуссии нельзя привязывать к каким-либо абстрактным параметрам, определение таких моментов всегда является экспериментально-рефлексивным, т.е. зависит от конкретной ситуации и того сообщества, которое вовлечено в дискурс, и больше ни от чего¹⁷.

3. Консенсус как политический идеал делиберативной демократии

Невозможно заниматься политикой, не принимая своевременных решений, поэтому обсуждения и выражение несогласия должны завершаться чем-то позитивным. Практически все модели делиберативной демократии уделяют большое внимание консенсусу. Б. Акерман называет стремление к нему «высшим категорическим императивом»¹⁸, философски корректируя самого И. Канта¹⁹.

¹⁵ См.: *Gutmann A., Thompson D. Why Deliberative Democracy?* Princeton; Oxford, 2004. P. 15.

¹⁶ См.: *Lenaghan J. Involving the Public in Rationing Decisions. The Experience of Citizens Juries // Health Policy. 1999. Vol. 49. No. 1–2. P. 45–61.*

¹⁷ См.: *Hardin R. Deliberation: Methods, Not Theory // Deliberative Politics. Essays on Democracy and Disagreement / Ed. by S. Macedo. New York, 1999. P. 103–122.*

¹⁸ См.: *Ackerman B., Fishkin J. Deliberation Day. New Haven; London, 2004. P. 15.*

¹⁹ Причем эта корректировка происходит дважды. Во-первых, императивы у основоположника немецкого трансцендентализма не делятся на высшие и низшие, ибо все они в определенном отношении совершенны. Во-вторых, когда И. Кант говорит о направлении воли лица, совершающего тот или иной поступок, он имеет в виду конкретную интенцию, консенсус же подразумевает процедуру, сквозь которую может проходить любое содержание. И здесь возникает

Адаптированная к социологии теория речевых актов утверждает, что обмен сообщениями представляет собой нечто большее (и более ценное), чем обмен данными. Это — процессуальное раскрытие диспозиционных свойств другого, причем раскрытие, ориентированное на меня, идущее от второго лица к первому, т.е. не безлично-отчужденное и, следовательно, до конца не формализуемое. Положительный смысл такой процессуальности заключается в том, что она заново и на другом уровне воспроизводит те субъективные способности, которые неотделимы от умения совершать рациональные действия. Так, в частности, из желания поддерживать диалог вырастает способность к рефлексии (но не наоборот), из стремления к стабильному порядку отношений рождается способность обсуждать и оценивать несовпадающие предпочтения и т.д. То же самое наблюдается и на концептуальном уровне: если любая содержательная концепция морали влечет за собой патернализм (так как всегда найдутся понимающие ее нормативное ядро лучше других и способные навязать свое видение), а отказ от морального содержания (и обоснования поступков) влечет разрушение понятия блага как такового, то нужно уметь, не впадая в крайности, удержаться внутри делиберативного процесса, где нормы совместной жизни и порождаются, и обнаруживаются. Здесь важную роль играет следование правилам так называемой формальной прагматики, с помощью которых любое совместное коммуникативное действие может быть доведено до успешного завершения за приемлемый промежуток времени.

Очевидно, что консенсус как идеал опирается на определенное представление об участниках политического общения, изначально предполагающее их равенство в способности инициировать и развивать данное общение, используя ресурсы языка, формальной логики, риторики, стилистики разговорной речи, эпистемологии и этики. Соответственно абстрактно-частичный образ «человека политического», заложенный в эту модель, оказывается шире всех иных образов, сопоставимых с ним. За каждой из указанных способностей скрывается целый ряд идеологем. Например, чтобы доверять аристотелевой логике как способу упорядочения речи и мысли, нужно не только верить в возможность их нерасходящегося сосуществования, как это утверждал Аристотель, но и чувствовать, где заканчиваются пределы ее действия, и т.д. Знакомство с этими идеологемами является одним из не-

закономерный вопрос: если принцип делиберативности внедряется в сообщество каннибалов, становится ли оно от этого более демократичным?

обходимых условий осознанной политической активности в рамках делиберативной модели.

Кроме того, соблюдение принципа делиберативности предполагает и приверженность идеалу познавательной (или эпистемической) добросовестности, согласно которому установка на истинность и обоснованность выдвигаемых суждений должна сопровождаться пониманием последствий (ближайших и отдаленных) принятия данных суждений в качестве оснований действий. Эпистемически добросовестный субъект, даже зная об истинности или высокой достоверности своего суждения, способен воздержаться от защиты этого суждения, если предполагает, что его осуществление повлечет за собой ущемление интересов других — формально равных ему — лиц. Но главным в данной модели является стратегическое умение добиваться общеприемлемого результата, используя для этого все интеллектуально-психологические техники и технологии, допустимость которых производна от публичности процедур и честности их участников. В этом смысле Ю. Хабермас не так уж далек от истины, когда ставит знак равенства между развитием дискурса и развитием субъекта.

4. Правовое обеспечение делиберативной демократии

Каковы возможности права в обеспечении реализации принципа делиберативности? Для ответа на этот вопрос необходимо выделить те элементы данной модели, на которые вообще возможно воздействовать юридическими средствами, параллельно сделав несколько важных оговорок.

Во-первых, необходимо помнить, что совещательная демократия не отменяет принципа агрегативности, точно так же, как, например, социальная форма бытия не отменяет биологическую, а базируется на ней. Если по какой-то причине устраняется низший уровень сложной иерархической системы, прекращает существовать и высший, но обратное в общем случае неверно. Высший уровень возникает на основе низшего за счет динамического приспособления отдельных объектов к изменяющимся условиям, и это в принципе применимо и к политическим системам. Другими словами, возможна лишь эволюция демократических институтов, а не резкая их смена, и право не способно искусственно ускорять ход данной эволюции, но вполне пригодно для смягчения сил, противостоящих ей.

Во-вторых, коммуникативная власть подпитывается дифференциацией и постоянным размежеванием политических акторов, тог-

да как административная власть сильна нивелированием различий. Для нее выгодно, чтобы в публичном пространстве (в большей мере информационном, нежели географическом) существовал лишь «народ» — искусственная конструкция, чье предназначение — находиться в подчинении суверену, который, напротив, абсолютно реален. Конструктом народа очень легко манипулировать, высказываться от его имени, формулировать его интересы и проч. Как известно, неопределенность границ объекта способствует индифферентному отношению к тому, что заключено в эти границы. Безусловно, гомогенность управляемых крайне желательна и выгодна бюрократии. Делиберативная модель, напротив, исходит из принципиальной гетерогенности населения какой-либо территории²⁰, подразумевая существование организованной (парламент) и неорганизованной (граждане, средства массовой информации) публики, большого числа включенных и исключенных, но подлежащих включению в совещательные процедуры групп. На организованную публику возлагается миссия фокусировать общественное мнение и переводить его в юридическую форму, тогда как неорганизованная публика обеспечивает обсуждение и истолкование политических целей (в процессе этой деятельности мера организованности публики закономерно растет). Следовательно, посредством права можно и обеспечить большую организованность неорганизованной публики, и пополнять ее за счет определенных групп, доступ которых к совещательным механизмам был затруднен.

В-третьих, как бы банально это ни звучало, но демократия предполагает прозрачность власти. То, что власть делает, и то, как она это делает, должно быть видно «снизу», с позиции управляемых. Поскольку бюрократия неохотно раскрывает содержание своей работы, правовыми средствами следует внедрять механизмы общественного контроля, который, кстати, может распространяться и на субъектов частного права (крупные корпорации), чьи решения обладают политическим эффектом.

Наконец, с помощью правовых инструментов можно создавать условия, при которых конфликт правительства и его оппонентов оказывается чреват настолько большими издержками для каждой из сторон, что обе они будут предпочитать переговоры и достижение согласия и постепенно освоят соответствующие практики.

²⁰ Следует отметить, что территориально-географический аспект проблемы в XXI в. отходит на второй план. Сетевая парадигма пронизывает не только экономику, но и политику, поэтому делиберативная демократия в ряде работ справедливо отождествляется с электронной или цифровой (см.: *Hacker K., Dijk van J. Digital Democracy, Issues of Theory and Practice. London, 2000*).

Любая политическая система потенциально способна стать более демократичной, если для этого созрели условия. Отсутствие политического прогресса может быть вызвано разными причинами, но почти всегда оно инспирировано властной элитой, заинтересованной только в тех преобразованиях, которые служат ее укреплению. В любой политической системе возможны изменения, направленные на обеспечение большей гуманности, справедливости и честности принимаемых решений, но для этого такие альтернативы должны озвучиваться. Именно это и призван гарантировать принцип делиберативности.

5. Заключение

С помощью правовых средств нельзя создать новое социальное явление или придать явлению новое качество в отсутствие для этого социальных, политических, экономических условий, что подтверждают многочисленные неудачные эксперименты как в экономике, так и в политике²¹. Но эти неудачи всего лишь свидетельствуют о том, что юридический инструментариум используется не по назначению. Преимущество делиберативной системы принятия решений заключается в том, что в ее рамках одновременно предлагается некое действие и обсуждаются средства его совершения, такая система сама способна настраиваться на нужный уровень юридического регулирования. Степень предсказуемости результатов подобного рода коммуникации существенно меньше по сравнению с другими моделями и практиками — это важно иметь в виду. Конечно, данное обстоятельство создает дополнительную интеллектуальную и эмоциональную нагрузку на участвующих в обсуждении лиц. Есть и более серьезная проблема: если политическое равенство здесь понимается как равенство в способностях предъявлять высококачественные аргументы, как быть с теми участниками коммуникации, которые не освоили культуру публичной защиты своих суждений? Принимать их голоса наравне с другими нельзя по определению данной модели, игнорировать их тем более непопустимо и к тому же неэтично. Подобного рода трудности могут встречаться и на макроуровне. Все это вместе делает делиберативную модель хотя и желательной, но трудно-реализуемой. Таковы все идеальные конструкты, реалистичность которых заранее не может быть известна, что не мешает им все же

²¹ См., например: *Dolfsma W. Government Failure: Society, Markets and Rules. Cheltenham, 2013.*

воплощаться в жизнь, постепенно, но неуклонно. При этом технические (в широком смысле слова) усилия должны соединяться с волевыми и умственными. Право здесь играет обеспечивающую роль, по возможности устраняя препятствия к осуществлению принципов делиберативной демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ackerman B., Fishkin J. Deliberation Day. New Haven; London: Yale University Press, 2004.

Autonomy and Solidarity: Interviews with J. Habermas / Ed. by P. Dews. London; New York: Verso, 1992.

Brummett B. Towards a Theory of Silence as a Political Strategy // Quarterly Journal of Speech. 1980. Vol. 66. Iss. 3. P. 289–303. DOI: 10.1080/00335638009383527

Dolfsma W. Government Failure: Society, Markets and Rules. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. DOI: 10.4337/9781782547167

Eriksen E.O., Weigard J. Understanding Habermas. Communicative Action and Deliberative Democracy. London: Continuum, 2003. DOI: 10.5040/9781474213219

Freud S. Die endliche und die unendliche Analyse // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1937. Bd. 23. H. 2. S. 209–240.

Gutmann A., Thompson D. Why Deliberative Democracy? Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. DOI: 10.1515/9781400826339

Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. I. Boston: Beacon Press, 1984.

Hacker K., Dijk van J. Digital Democracy, Issues of Theory and Practice. London: SAGE, 2000. DOI: 10.4135/9781446218891

Hardin R. Deliberation: Methods, Not Theory // Deliberative Politics. Essays on Democracy and Disagreement / Ed. by S. Macedo. New York: Oxford University Press, 1999. P. 103–122.

Honneth A. Das Recht der Freiheit — Grundriß einer demokratischen Sittlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2011.

Lenaghan J. Involving the Public in Rationing Decisions. The Experience of Citizens Juries // Health Policy. 1999. Vol. 49. No. 1–2. P. 45–61.

Max Weber on the Methodology of the Social Sciences / Ed. by E.A. Shils, H.A. Finch. Glencoe: The Free Press, 1949.

Moka-Mubelo W. Reconciling Law and Morality in Human Rights Discourse. Cham: Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-49496-8

Parkinson J. Why Deliberate? The Encounter Between Deliberation and New Public Managers // Public Administration. 2004. Vol. 82. Iss. 2. P. 377–395. DOI: 10.1111/j.0033-3298.2004.00399.x

Pinkard T. Recognition, the Right, and the Good // *The Philosophy of Recognition. Historical and Contemporary Perspectives* / Ed. by H. Schmidt-am-Busch, Ch. Zurn. Louisville: Lexington Books, 2009. P. 129–150.

Schütz A. Subjective Action and Objective Interpretation // *Annals of Phenomenological Sociology* / Ed. by H.R. Wagner. Vol. I. Dayton: Wright State University, 1976. P. 34–46.

Smith A.D. Dispositional Properties // *Mind*. 1977. Vol. 86. No. 343. P. 439–445.

Tugby M. Categoricalism, Dispositionalism, and the Epistemology of Properties // *Synthese*. 2014. Vol. 191. No. 6. P. 1147–1162.

REFERENCES

Ackerman, B. and Fishkin, J. (2004). *Deliberation Day*. New Haven; London: Yale University Press.

Brummett, B. (1980). Towards a Theory of Silence as a Political Strategy. *Quarterly Journal of Speech*, 66(3), pp. 289–303. DOI: 10.1080/00335638009383527

Dews, P. ed. (1992). *Autonomy and Solidarity: Interviews with J. Habermas*. London; New York: Verso.

Dolfsma, W. (2013). *Government Failure: Society, Markets and Rules*. Cheltenham: Edward Elgar Publ. DOI: 10.4337/9781782547167

Eriksen, E.O. and Weigard, J. (2003). *Understanding Habermas. Communicative Action and Deliberative Democracy*. London: Continuum. DOI: 10.5040/9781474213219

Freud, S. (1937). Die endliche und die unendliche Analyse. *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, 23(2), pp. 209–240. (in Germ.).

Gutmann, A. and Thompson, D. (2004). *Why Deliberative Democracy?* Princeton; Oxford: Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400826339

Habermas J. (1992). *Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (in Germ.).

Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Volume I. Boston: Beacon Press.

Hacker, K. and Dijk van, J. (2000). *Digital Democracy, Issues of Theory and Practice*. London: SAGE. DOI: 10.4135/9781446218891

Hardin, R. (1999). Deliberation: Methods, Not Theory. In: S. Macedo, ed. *Deliberative Politics. Essays on Democracy and Disagreement*. New York: Oxford University Press, pp. 103–122.

Honneth, A. (2011). *Das Recht der Freiheit — Grundriß einer demokratischen Sittlichkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (in Germ.).

Lenaghan, J. (1999). Involving the Public in Rationing Decisions. The Experience of Citizens Juries. *Health Policy*, 49(1–2), pp. 45–61.

Moka-Mubelo, W. (2017). *Reconciling Law and Morality in Human Rights Discourse*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-49496-8

Parkinson, J. (2004). Why Deliberate? The Encounter Between Deliberation and New Public Managers. *Public Administration*, 82(2), pp. 377–395. DOI: 10.1111/j.0033-3298.2004.00399.x

Pinkard, T. (2009). Recognition, the Right, and the Good. In: H. Schmidt-am-Busch and Ch. Zurn, eds. *The Philosophy of Recognition. Historical and Contemporary Perspectives*. Louisville: Lexington Books, pp. 129–150.

Schütz, A. (1976). Subjective Action and Objective Interpretation. In: H.R. Wagner, ed. *Annals of Phenomenological Sociology*. Volume I. Dayton: Wright State University, pp. 34–46.

Shils, E.A. and Finch, H.A. (1949). *Max Weber on the Methodology of the Social Sciences*. Glencoe: The Free Press.

Smith, A.D. (1977). Dispositional Properties. *Mind*, 86(343), pp. 439–445.

Tugby, M. (2014). Categoricalism, Dispositionalism, and the Epistemology of Properties. *Synthese*, 191(6), pp. 1147–1162.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Беляев Максим Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН.

AUTHOR'S INFO:

Maxim A. Belyaev — Candidate of Philosophy, Research Fellow of the Legal Philosophy, Theory and History of State and Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Беляев М.А. Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-belyaev

CITATION:

Belyaev, M.A. (2019). Deliberative Model of Democracy: Basic Principles and Practical Difficulties. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(3), pp. 79–95. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-belyaev